

Розов М.А.

**О соотношении естественнонаучного
и гуманитарного познания.
(Проблема методологического изоморфизма)**

Последнее время в нашем отечественном гуманитарном сообществе наблюдается явная тенденция резкого противопоставления наук естественных и гуманитарных, тенденция даже некоторого неприятия естественных наук. Нам представляется, что это отрицательно сказывается как на гуманитарном, так и на естественнонаучном познании, изолируя друг от друга представителей разных областей, препятствуя постановке методологических проблем и обмену опытом.

Цель данной работы – показать на фоне развития науки XX века существенный параллелизм в развитии ведущих естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, показать их категориальный или методологический изоморфизм. Забегая вперед, хотелось бы сказать следующее. Резкое противопоставление наук естественных и гуманитарных было в какой-то мере оправдано в свете классического естествознания XIX века. Но в XX столетии мы наблюдаем в естествознании коренные изменения мировоззренческого характера, которые созвучны методологическим проблемам гуманитарных наук и существенно сближают эти области знания. Как это ни парадоксально, но гуманитарные науки, включая семиотику, философию науки и эпистемологию, по характеру своих проблем и по своим методологическим установкам ближе всего к современной физике.

**1. Методологическое мышление и методологический
изоморфизм научных дисциплин**

Но прежде всего надо выяснить, как мы собираемся сравнивать естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, по каким параметрам рационально проводить их сопоставление. Перед нами фактически два разных мира, и на первый взгляд между ними почти нет ничего общего. И тем не менее, хотя речь идет о знаниях и проблемах очень разных по своему конкретному содержанию, их сопоставление не только имеет смысл,

но позволяет вскрыть из глубокое и закономерное единство на уровне методологического или категориального изоморфизма.

В ходе познания, как обыденного, так и научного, мы всегда имеем как бы два вектора движения мысли. Первый – это путь буквального понимания уже полученных знаний, путь решения конкретных задач в рамках имеющихся теорий или накопленного практического опыта. Второй – превращение уже имеющихся знаний в образец для построения новых методов, новых теорий или научных дисциплин. Это путь методологического мышления, путь метафор и категориальных программ, позволяющий заимствовать опыт отдаленных областей знания.

Начнем с конкретных примеров. Уже сравнительно давно, начиная со второй половины XIX века, существует такой раздел биологической науки, как экология, со своими специфическими проблемами и со своим пониманием предмета исследования. Признанный основатель этой дисциплины Эрнст Геккель определил ее в 1868 году как науку «об общих отношениях организма к окружающему внешнему миру, к органическим и неорганическим условиям существования».¹ И вот не проходит и ста лет, как термин «экология» начинает встречаться все чаще и чаще в контекстах очень далеких от биологии. Появляются такие выражения, как социальная экология, культурная экология, этническая экология, экология народонаселения, экология преступности, экологический подход в психологии, экология науки... Что же произошло? А то, что биологическая дисциплина, изучающая условия существования живых организмов и взаимоотношения между организмами и средой обитания, стала образцом (программой) для формирования целого ряда направлений исследования, очень далеких от биологии по своему конкретному содержанию. Очевидно, однако, что на категориальном уровне рассмотрения речь идет об одном и том же: есть некоторое явление, и мы изучаем его взаимоотношения со средой. И очевидно также, что выражения типа «экология науки» или «экология

¹ Ушман Г. Определение Эрнстом Геккелем понятия «экология». // Очерки по истории экологии. М. 1970. С. 18.

преступности» – это по своему происхождению метафоры.

Явления такого рода не исключение. Например, основатель социологии О. Конт подразделял эту науку на социальную статику и социальную динамику, явно опираясь на образец механики. Крупнейший французский социолог Э. Дюркгейм выделял в социологии социальную морфологию и социальную физиологию, опираясь уже на образцы биологических дисциплин. Наш широко известный отечественный фольклорист В.Я. Пропп называет свой основной труд «Морфология сказки» и не только называет, но и сознательно пытается следовать избранному образцу. «Слово морфология, – пишет он, – означает учение о формах. В ботанике под морфологией понимается учение о составных частях растения, об их отношении друг к другу и к целому, иными словами, учение о строении растения. О возможности понятия и термина морфология сказки никто не думал. Между тем в области народной, фольклорной сказки рассмотрение форм и установление закономерностей строя возможно с такой же точностью, с какой возможна морфология органических образований».² Едва ли нужно доказывать, что и здесь такие выражения как «морфология сказки», «социальная физиология» или «социальная статика» имеют явное метафорическое звучание.

Приведенные примеры как раз и иллюстрируют, что такое методологическое мышление или методологические исследовательские программы. Общеизвестно, что методы, разработанные в рамках одной науки, могут затем успешно работать в сфере других научных дисциплин. Физические методы исследования широко применяются в химии, в биологии, в науках о Земле. Биология и геология не могут обойтись без методов химического анализа. Но в приведенных примерах речь идет отнюдь не о заимствовании каких-либо биологических методов или вообще о каком-либо биологическом подходе к преступности, к этносу или к сказке. Биологическая дисциплина в целом выступает здесь как образец для построения других научных дисциплин, принципиально отличных по содержанию, но

² Пропп В.Я. Морфология сказки. М. 1969, С. 7.

методологически, категориально изоморфных. Это очень важное противопоставление. Можно использовать тот или иной метод в разных сферах исследования, а можно строить новый метод по образцу уже существующих; можно использовать уже созданную теорию для решения конкретных задач, а можно по образцу этой теории строить новую в рамках совсем другой области знания. Методологическое мышление как раз и связано с использованием уже имеющихся методов, теорий, научных дисциплин в качестве образцов при обсуждении трудных проблем или при построении новых сфер исследования. Иными словами, методологическое мышление предполагает выход за рамки той или иной узкой специализации, оно в принципе является междисциплинарным.

Приведем еще один пример, ибо примеры в данном случае гораздо красноречивее общих рассуждений. Один из основателей электронной теории Г.А. Лорентц писал: «Электронную теорию следует рассматривать как распространение на область электричества молекулярной и атомной теорий, которые уже вполне оправдали себя во многих отраслях физики и химии».³ Очевидно, что речь идет не просто о применении атомной или молекулярной теории при изучении электрических явлений, так как ни атомов, ни молекул в их обычном понимании мы здесь не имеем. Как же следует понимать термин «распространение»? Ответ дает выступление Гельмгольца на Фарадеевских чтениях в 1881 году. «Если принять существование атомов химических элементов, – пишет Гельмгольц, – то нельзя удержаться от того, чтобы не сделать дальнейшего заключения, что также и электричество, как положительное, так и отрицательное, распадается на определенные элементарные кванты, которые ведут себя как атомы электричества».⁴ Хорошо видно, что химическая атомистика выступает здесь как образец для построения совершенно новой теории, а слово «атом» явно приобретает у Гельмгольца характер метафоры.

Для дальнейшей детализации воспользуемся в качестве модели явлением, казалось бы очень далеко

³ Лорентц Г.А. Теория электронов. М. 1956. С. 31.

⁴ Цитирую по А. Зоммерфельд Структура атома и спектры, т.1. М. 1956. С.13.

отстоящим от науки, а именно – таким фольклорным жанром, как пословица.

Рассмотрим широко известные изречения: «Не в свои сани не садись», «Куй железо, пока горячо», «У каждой палки два конца» и т.п. Очевидно, что их можно понимать буквально, и в некоторых случаях как раз буквальный смысл выступает на первый план. Правда этот буквальный смысл, как правило, достаточно тривиален и очевиден, и отнюдь не он сам по себе придает пословице ее значимость. Значимость пословицы в том, что, описывая некоторую тривиальную ситуацию, она делает ее образцом для понимания целого класса других ситуаций, отнюдь не столь очевидных, но ей изоморфных. Допустим, вам предлагают новую должность, а приятель, с которым вы решили это обсудить, говорит: «Не в свои сани не садись!» Но, помилуйте, никаких саней здесь нет и в помине! А это значит, что использование пословицы в данной ситуации предполагает метафору: новая должность – это те же сани.

Любое пословичное изречение в его буквальном прочтении можно с рядом оговорок уподобить элементарной теории, предписывающей нам способ действия в некоторых ситуациях. Но в такой же степени, как и пословица, любая теория в свою очередь может быть использована не только в своем буквальном, но и в переносном значении, порождая соответствующие метафоры типа: «Наука – это организм» или «Электрон – это атом». В первом случае, такая метафора может натолкнуть нас на попытку построить экологию или анатомию науки, во втором, – на попытку построить электронную теорию по образцу атомистики. Все это в более элементарном виде можно рассмотреть и на материале использования пословиц.

Представьте себе, что вы продолжаете обсуждать со своим приятелем вопрос о переходе на новую работу, и он вам неожиданно говорит: «Куй железо, пока горячо». Что это может означать в условиях очевидного отсутствия и железа и кузницы? «Вакансия – это то же железо», – говорит вам приятель, предлагая тем самым построить новую «теорию» по образцу «теории» кузнечного ремесла. Эта новая «теория» может звучать

примерно так: «Переходя на новую работу, торопись, пока есть вакансия». Разумеется, если та же поговорка используется в другой ситуации, например, в условиях военных действий или медицинской практики, то и метафоры, и соответствующие «теории» будут другими. Каждая поговорка рассматриваемого типа способна породить бесконечное количество метафор и «теорий». Но это в равной степени относится и к научной теории, к любой науке, если мы начинаем ее рассматривать в роли образца для воспроизведения.

А нельзя ли все множество «теорий», которое способна породить та или иная поговорка, сформулировать в виде одного достаточно общего принципа? Строго говоря, нельзя, хотя мы постоянно пытаемся это сделать, и делаем с большим или меньшим успехом. Например, поговорку «Куй железо, пока горячо» можно попробовать заменить таким выражением: обстоятельства, если они сейчас и благоприятны для достижения вашей цели, всегда могут измениться, поэтому не следует терять время. В такой же степени и научные метафоры сплошь и рядом трансформируются в методологические принципы. Как и в случае поговорок, такая трансформация требует очень общих понятий типа «обстоятельства», «цель», «изменение»... Короче, речь идет о философских категориях. Поэтому методологическое мышление и методологические программы можно охарактеризовать как программы, имеющие принципиально категориальный характер и в силу этого оторванные от специфического материала той или иной области знания. Для них, как правило, не существует предметных границ и их могут успешно обсуждать представители разных специальностей, не вдаваясь при этом в детали своих проблем.

2. Парадоксы гуманитарного исследования

Попробуем теперь подойти к гуманитарным наукам с точки зрения классических методологических представлений. Вот, например, как эти представления изложены в одной из работ известного лингвиста Х.И.Ульдалля: «В нашей повседневной жизни мы привыкли рассматривать все явления с трех самостоятельных и разных точек зрения: "вещь"

существует, у нее есть определенные качества, и она совершает определенные действия... Если бы стул не существовал, у него не могло бы быть качества прочности, а не будь у него этого качества, он не мог бы совершить действие, которое заключается в поддержании сидящего на нем человека».⁵ По сути дела, речь идет о формулировке некоторого общего методологического принципа мировосприятия, действующего, однако, не только в повседневной жизни, но и в науке.

Будем онтологические представления такого типа называть предметоцентризмом. Мир здесь предстает перед нами как совокупность относительно самостоятельных вещей (предметов), обладающих свойствами (качествами), причины которых надо искать в составе и строении вещей, в их материале. Если у нас не идут часы, мы несем их к часовщику, который открывает крышку и заглядывает в механизм, ища там причину изменения свойств. Если физик хочет объяснить какие либо свойства газа, например, его упругость, он опять-таки анализирует его внутренний "механизм", предполагая, что газ состоит из множества беспорядочно движущихся молекул. Мы с детства привыкаем, что объяснение свойств надо искать внутри вещи, что свойства есть проявление внутренней природы вещей. Нетрудно видеть, что предметоцентризм – это двойник элементаризма. Он позволяет рассматривать каждый предмет, каждую вещь как нечто самостоятельное и самодостаточное, как нечто существующее само по себе в силу своей собственной внутренней природы. Так и получается, что мир распадается на множество вещей, каждая вещь – на множество элементов, каждый из таких элементов – это тоже вещь...

Легко показать, что в рамках гуманитарных наук предметоцентризм как методологический принцип не срабатывает. Вообще говоря, он не срабатывает при изучении очень широкого класса как социальных, так и природных явлений, но на примере гуманитарных дисциплин это особенно бросается в глаза. Дело в том, что гуманитарные науки имеют дело с текстом, который

⁵ Ульдалль Х.И. Основы глоссематики. // Новое в лингвистике. Выпуск 1. М. 1960. С. 400.

надо читать и понимать. В этом нередко усматривают основную особенность гуманитарных дисциплин, что позволяет, кстати, относить их к особой группе наук, наук понимающих, противопоставляя наукам объясняющим, к числу которых относятся все разделы естествознания. Вот что писал по этому поводу М.М. Бахтин: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)».⁶

Но текст, идет ли речь о произведении художественной литературы или о научном тексте, – это нечто крайне таинственное, ибо при чтении он неожиданно открывает нам целый мир образов, мир, где действуют люди или силы Природы, где происходят события часто совсем не в том пространстве и времени, в котором существует сам текст. Есть два пространственно-временных мира: мир текста и мир как бы внутри или за текстом. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» стоит на полке в моей библиотеке, я могу взять его в руки, положить на стол, открыть на любой странице, но, погрузившись в чтение, я попадаю в совсем иной мир, никак не связанный с пространством моего кабинета, и неожиданно становлюсь как бы соучастником событий прошлого века. Каков способ бытия этого внутреннего пространства-времени и происходящих в нем событий? Сам текст, лежащий передо мной на столе, совершенно недостаточен для того, чтобы ответить на этот вопрос.

Вдумаемся в ситуацию, ибо она вполне этого заслуживает. С одной стороны, очевидно, что текст обладает удивительной способностью вызывать в нашем сознании некоторые представления, способностью воздействовать на нас интеллектуально и эмоционально. Но, с другой, сколько бы мы ни анализировали материал текста, мы не найдем ничего такого, что могло бы объяснить эту его способность. Более того, материал текста может варьировать в очень широких пределах, от

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979. С. 285.

пятен краски на бумаге до звуковых колебаний воздушной среды, ничего не меняя по существу, т.е. полностью сохраняя свою осмысленность, свою диспозицию быть понимаемым. Картина совершенно не похожа на ту, которая нарисована Ульдаллем. Можно смело сказать, что в рамках привычных предметоцентристских представлений она просто парадоксальна. Во всяком случае не менее парадоксальна, чем знаменитая улыбка Чеширского кота, которая остается, когда самого кота уже нет и в помине. Представьте себе стул, на котором вы продолжаете сидеть, хотя сам стул уже исчез, а вы просто висите в воздухе. Чудо! Но вот письменный текст превращается в колебания воздуха, ничего не меняя в нашем его понимании, и это решительно никого не удивляет. Мы все к этому привыкли, а привычное чудо – это уже не чудо.

Но как же нам изучать явления такого рода, если их характеристики вдруг утратили непосредственную связь с материалом и перестали быть свойствами или атрибутами в обычном понимании этих терминов? Можно ли говорить о строении, о структуре этих явлений, об их морфологии и, если да, то какой конкретный смысл в данном случае следует вкладывать в эти представления? Начнем с того, что все попытки реализации более или менее традиционных подходов чреватые парадоксальностью. Возьмем для примера знаменитую книгу В.Я. Проппа «Морфология сказки», которую мы уже упоминали в начале статьи. Само название говорит о том, что речь пойдет о строении, о структуре литературных произведений определенного типа. Именно по аналогии с биологической морфологией Пропп и пытается подойти к изучению сказки. Что же понимается под морфологией сказки, из каких частей эта последняя состоит? Удивительно, но в качестве таких составных частей выступают у Проппа функции действующих лиц. Сами эти лица меняются от одной сказки к другой, но их функции по отношению друг к другу и последовательность этих функций остаются постоянными, образуя некоторую устойчивую структуру. Мы ни в коей мере не хотим принизить открытие Проппа, но нельзя не обратить внимание на следующее: волшебная сказка, которую я читаю или рассказываю,

существует здесь и теперь, т.е. как элемент моей сегодняшней реальности, а вот происходящие в сказке события, включая и функции действующих лиц, не только не существуют в моем настоящем пространстве и времени, но, вероятно, и вообще никогда реально не существовали. Во всяком случае, они никогда не существовали в том же смысле, в каком можно говорить о существовании сборника русских сказок в моей библиотеке. Получается так, что вполне реальный объект состоит из частей, которым нет места в реальности. Разве это не парадоксально?

Мы сталкиваемся здесь с проблемой, которая, как мы полагаем, является кардинальной для любой области гуманитарного знания. Она в следующем: что мы должны изучать, говоря о морфологии сказки или любого литературного произведения вообще, содержание этого произведения или то «устройство», благодаря которому это содержание существует? Иными словами, должны мы искать эту морфологию в нашем пространстве и времени или во внутреннем пространстве и времени соответствующего произведения? Надо сказать, что традиционно анализ морфологии (состава, строения) всегда был связан с задачами объяснения наблюдаемых свойств. Так, например, обстоит дело при исследовании структуры кристаллов или при изучении анатомии и физиологии животных и растений. Что же нуждается в объяснении, если речь идет о строении литературного произведения? Прежде всего, вероятно, то, что пятна краски на бумаге, именуемые текстом, способны таким удивительным образом воздействовать на наше сознание, порождая там то или иное содержание. В анализе, следовательно, нуждается не это содержание, а нечто другое, что его порождает.

Поясним сказанное с помощью простой аналогии. Представьте себе зеркало, в котором отражается ринг и бой боксеров. Возможны различные подходы к изучению этой ситуации. Во-первых, можно изучать зеркало, его свойства, его строение. Это один подход. При этом нам будет безразлично, что именно отражается в зеркале в данный момент. Важно выяснить, что такое зеркало, как оно устроено и как и почему возникает отражение. При этом было бы крайне странно говорить, что отражение в

данный момент состоит из боксеров, которые пытаются нокаутировать друг друга. В такой же степени нельзя выразиться и в более общем плане, сказав, что отражение – это набор особых зеркальных объектов, взаимодействующих друг с другом. Зеркало – это стекло, покрытое с одной стороны амальгамой, а изображение возникает за счет отражения световых лучей. Все происходящее подчиняется законам оптики, но никак не правилам проведения боксерских соревнований. Возможен, однако, и другой подход: нас может интересовать, что именно отражено в зеркале. В этом случае, наблюдая отражение, мы его интерпретируем как нечто происходящее за пределами зеркала. Само зеркало нас при этом почти не интересует, нас интересует поединок боксеров. Правда, наблюдаем мы этот поединок именно в зеркале и поэтому должны учитывать возможные искажения. Иными словами, мы должны различать реальные объекты и, если можно так выразиться, «зеркальные конструкторы». Можно заменить зеркало изображением на киноэкране или на экране телевизора, и наша аналогия станет еще более полной, ибо объекты в зеркале всегда имеют своих реальных прототипов, чего нельзя сказать о сказочных героях или о героях на экране.

Вообще говоря, парадокс, связанный с «Морфологией сказки» Проппа, легко устранить, если просто изменить форму выражения и говорить не о действующих лицах и их функциях, а об описании этих функций. Составными частями сказки будут тогда содержательные куски текста, следующие друг за другом в определенной последовательности, устойчивой при переходе от одной сказки к другой. Ничего парадоксального, казалось бы, здесь уже нет, но суть дела от этого не изменилась. Используя аналогию с зеркалом, нашу акцию можно охарактеризовать следующим образом. Мы теперь не утверждаем, что зеркало состоит из совокупности связанных друг с другом зеркальных объектов, мы говорим, что оно состоит из нескольких зеркал, каждое из которых фиксирует свой объект. Если все объекты, включая и наблюдателя, неподвижны, то можно даже расчертить поверхность зеркала соответствующим образом, но очевидно, что это не имеет никакого

отношения к тому, что можно назвать устройством зеркала.

Великая магия текста как раз в том и состоит, что мы видим прежде всего мир действующих лиц, а вовсе не то устройство, которое вызывает их к жизни. И поэтому, говоря о строении, о морфологии такого рода произведений, мы постоянно идем по пути В.Я. Проппа, хотя, строго говоря, строение надо искать совсем в другом. Точнее, любой текст имеет далеко не одну морфологию: он имеет морфологию содержания и морфологию «устройства», которое это содержание порождает. Это как и в случае калейдоскопа, где можно описывать и калейдоскоп как таковой, и те узоры, которые в нем возникают. Нельзя только смешивать одно с другим. Но смешение происходит, ибо мы невольно поддаемся магии текста.

Приведем еще один пример, связанный уже с анализом не сказки, а научной теории. Вот что пишет по этому поводу один из ведущих наших специалистов по философии науки В.С. Степин: «Своеобразной клеточкой организации теоретических знаний на каждом из его подуровней является двухслойная конструкция – теоретическая модель и формулируемый относительно нее теоретический закон».⁷ Как же устроены теоретические модели? «В качестве их элементов, – продолжает В.С. Степин, – выступают абстрактные объекты (теоретические конструкты) которые находятся в строго определенных связях и отношениях друг с другом». Надо уточнить, что понимается под абстрактными объектами. На одной из предыдущих страниц автор, противопоставляя эмпирическое и теоретическое исследование, дает следующий ответ на этот вопрос. «Но и язык теоретического исследования отличается от языка эмпирических описаний. В качестве его основы выступают теоретические термины, смыслом которых являются теоретические идеальные объекты. Их также называют идеализированными объектами, абстрактными объектами или теоретическими конструктами».⁸ Итак, в качестве элементов теоретической модели выступают смыслы теоретических

⁷ Степин В.С. Горохов В.Г. Розов М.А. Философия науки и техники. М. 1996. С. 217.

⁸ Там же. С. 194.

терминов, «которые находятся в строго определенных связях и отношениях друг с другом». Интересно, какие же это связи? И тут мы получаем совершенно неожиданный ответ, правда не в общей форме, а в виде конкретного примера. «Например, если изучаются механические колебания тел (маятник, тело на пружине и т.д.), то чтобы выявить закон их движения, вводят представление о материальной точке, которая периодически отклоняется от положения равновесия и вновь возвращается в это положение. Само это представление имеет смысл только тогда, когда зафиксирована система отсчета. А это – второй теоретический конструкт, фигурирующий в теории колебаний. Он соответствует идеализированному представлению физической лаборатории, снабженной часами и линейками. Наконец, для выявления закона колебаний необходим еще один абстрактный объект – квазиупругая сила, которая вводится по признаку: приводить в движение материальную точку, возвращая ее к положению равновесия».⁹ Но вдумайтесь, что же это такое? Неужели смысл термина «квазиупругая сила» способен приводить в движение смысл термина «материальная точка»? Не слишком ли это, господа! Неужели смысл термина «мышь» может быть пойман и беспощадно съеден смыслом термина «кошка»? Это, как нетрудно видеть, тот же парадокс, что и у Проппа, что еще раз подчеркивает закономерность подобного рода парадоксальности.

Нет, речь идет не о случайных ошибках того или иного автора, а об устойчивой традиции, которая постоянно воспроизводится то на одном, то на другом материале, уходя своими корнями в далекое прошлое. Рассмотрим еще один эпизод выявления «морфологии» семиотических образований, который вполне можно считать классическим. После работ Г. Фреге собственные имена принято рассматривать как связку следующих трех элементов: имя как таковое, денотат, и смысл. Традиционная иллюстрация: имя «Вальтер Скотт» обозначает, т.е. имеет в качестве денотата известного шотландского писателя, а плюс к этому выражает определенный смысл, который отличает его от других

⁹ Там же. С.218.

имен, имеющих тот же денотат, например, от имени «Автор Уэверли». «Грубо говоря, – пишет А. Черч, излагая концепцию Фреге, – смысл – это то, что бывает усвоено, когда понято имя, так что возможно понимать смысл имени, ничего не зная о его денотате, кроме того, что он определяется этим смыслом».¹⁰ В примечаниях он добавляет, что смысл – «это постулированный абстрактный объект с определенными постулированными свойствами».¹¹ Не очень ясно, но пока нам этого достаточно. Нередко все сказанное изображают графически в виде треугольника, где имя, смысл и денотат выступают в качестве вершин. Все это внешне очень напоминает структурную химическую формулу, но только внешне, ибо ни о какой реальной структуре не может быть и речи. Имя «Вальтер Скотт» постоянно воспроизводится, оно воспроизведено и в настоящей статье, шотландский писатель, выступающий в роли денотата этого имени, давно умер, а смысл, т.е. «постулированный абстрактный объект», – это нечто из сферы нашего сознания. Представьте себе вполне реальный сегодняшний корабль с командой, набранной из матросов Колумба, и с капитаном Немо во главе!

3. Проблема способа бытия

В чем же основная трудность, с которой мы сталкиваемся в гуманитарных науках? Она в том, что удивительная способность текста порождать в нас определенное содержание как бы повисает в воздухе, она не является атрибутом текста как некоторого материала, который мы держим в руках. Классическая естественнонаучная схема объяснения не срабатывает, т.к. нам просто не ясно, что надо изучать, кроме самого содержания, наличие которого, однако, как раз и нуждается в объяснении. Именно поэтому в гуманитарных науках особую остроту приобретает проблема способа бытия изучаемых объектов, способа бытия литературных произведений или вообще продуктов интеллектуального творчества в самом широком смысле этого слова. Где и как существует продукт литератора или ученого, можно ли этот продукт идентифицировать с материалом текста

¹⁰ Черч А. Введение в математическую логику. Том первый. М. 1960. С. 18.

¹¹ Там же. С. 343.

письменного или устного? Нам представляется, что удовлетворительного ответа на этот вопрос пока нет, но существующие точки зрения хорошо иллюстрируют сложность проблемы.

Приведем в качестве примера рассуждения известного польского философа Т. Котарбинского в его книге «Трактат о хорошей работе». Обычно полагают, пишет он, что продукты умственной деятельности «состоят из составленных в единое целое различных отрывочных содержаний – впечатлительных, смысловых, мыслительных, а возможно, и каких-то еще других; что они не телесны», и представляют собой «какой-то так называемый «идеальный» объект».¹² Используя нашу аналогию с зеркалом, можно сказать, что речь идет о мире зазеркалья. Котарбинского такое «метафорическое», как он говорит, понимание не удовлетворяет. «Трудно принять утверждение, – пишет он, – будто научные суждения состояются из отдельных смыслов в том же понимании «составления» из чего-то, в каком изделия инженерной техники состояются из частей, например тротуар из бетонных плит».¹³ «А если говорят, что «Илиада» (или точнее содержание «Илиады») состоит из приключений Ахиллеса, то это метафорическое выражение означает только то, что со слушателем «Илиады» происходит так, словно бы приключения Ахиллеса совершались в зоне его наблюдения».¹⁴ Очевидно, что Котарбинский не приемлет ни подход Проппа к анализу сказки, ни подход Степина к анализу строения научной теории.

Какова же позитивная точка зрения самого Котарбинского? «В сфере творческой деятельности писателей, композиторов, работников изобразительных искусств, – пишет он, – создаются два вида изделий. Ими являются либо человеческие индивиды, которых сделали познавшими то-то, либо так же тела, не являющиеся индивидами, но исполняющие по отношению к индивидам роль импульсов (колеблющиеся определенным образом струны, висящие на стене картины, изваяния и т.д.). Под воздействием этих

¹² Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М. 1975. С. 229-230.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 238.

импульсов соответственно подготовленный индивид становится познающим индивидом».¹⁵ В принципе здесь уже все сказано. Создавая то или иное произведение, автор прежде всего изменяет самого себя, изменяет состояние своих нервных клеток, и превращается в индивида, который знает нечто такое, чего раньше не знал. Это «изделие» первого типа. Но кроме этого автор создает и некоторый текст, «изделие» второго типа, который способен изменить соответствующим образом состояние нервных клеток других индивидов, если последние к этому подготовлены, т.е. знают язык.

Нетрудно видеть, что Котарбинский пытается реализовать атрибутивный подход к анализу текста за счет введения такого фактора, как состояние нашей нервной системы. Это состояние таково, что мы понимаем текст, а понимание текста, в свою очередь, позволяет транслировать состояние нервных клеток от одного индивида к другому, что уже можно рассматривать как предпосылку создания литературных или научных произведений. На этом пути, однако, мы наталкиваемся по крайней мере на две трудности. Первая в том, что, как признает и сам Котарбинский, охарактеризовать указанные состояния наших нервных клеток «в терминах анатомии, химии или физики мы, однако, не в состоянии, по крайней мере до сих пор».¹⁶ А если и будем в состоянии, то не означает ли это крайний редукционизм в понимании гуманитарных наук? Вторая трудность менее очевидна, но гораздо более принципиальна: не ясно, а как мы достигаем такого универсального согласования наших нервных систем, что это обеспечивает существование языка и речи? Ниже мы остановимся на этом более подробно.

Другая попытка решить проблему способа бытия, более известная в философских кругах, принадлежит К. Попперу. Если Котарбинский в понимании изделий умственного труда отталкивается от нашей нервной системы, от состояния нервных клеток, то Поппер напротив резко противопоставляет субъективное и объективное знание, знание, как он говорит, без познающего субъекта. Интересует его именно последнее.

¹⁵ Там же. С. 238.

¹⁶ Там же. С. 231.

Где же и как оно существует? Знание, с его точки зрения – это свойство или диспозиция текста, диспозиция, состоящая в том, что текст может быть понят. «Именно возможность или потенциальность некоторой вещи быть понятой, ее диспозиционный характер быть понятой и интерпретированной, или неправильно понятой и неправильно интерпретированной, делает ее книгой».¹⁷ Знание рассматривается здесь по аналогии с любым физическим свойством предмета. Какое-либо вещество, например, может быть растворимым или нерастворимым в соляной кислоте. Это его потенциальность, его диспозиция существует независимо от того, будет процесс растворения когда-либо реально осуществлен или нет. Мы, однако, уже говорили, что материал текста никак не объясняет нам указанную его диспозицию. Она существует как бы независимо от этого материала, напоминая улыбку Чеширского кота. Концепция Поппера явно не способна справиться с этой трудностью.

Можно предъявить к этой концепции и другие претензии. Объективное знание Поппер относит к особому третьему миру, противопоставляя ему мир физических явлений и мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний. Третий мир – это «мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства».¹⁸ Так о чем же идет речь, о мире текстов, способных породить в нас определенное содержание, или о самом этом содержании? Говоря о независимости третьего мира, Поппер идентифицирует его с текстами, с миром книг и библиотек, уничтожив которые, мы уничтожим и цивилизацию. Но книги и библиотеки явно можно отнести к миру физических явлений. Правда, книги мы понимаем, получая при этом определенное содержание, но ведь и движение молекул в окружающей среде порождает в нас ощущение тепла или холода. Молекулы – это представители мира физического, ощущения – мира ментального. А нужен ли нам особый третий мир? Вероятно, не нужен.

Совсем иной подход просматривается в работе Р. Уэллека и О. Уоррена «Теория литературы». Говоря о

¹⁷ Поппер К. Логика и рост научного знания. М. 1983. С. 451.

¹⁸ Там же. С. 440.

способе бытия литературного произведения, они рассматривают его как стратифицированную систему норм. «Таким образом, – пишут они, – поэзия должна быть рассмотрена как совокупность некоторых норм, связанных отношением структуры и лишь частично раскрывающихся в непосредственном опыте ее многочисленных читателей».¹⁹ Нам представляется, что это очень верный и многообещающий ход мысли, но авторы почему-то останавливаются на полпути. Чуть дальше они признают, что «понимание литературного произведения как стратифицированной системы норм оставляет открытым вопрос о том, каков же способ бытия этой системы. Чтобы найти верное решение, – пишут они, – следовало бы затронуть здесь полемику номинализма и реализма, ментализма и бихевиоризма – короче говоря, весь круг основных проблем эпистемологии. Для наших целей, однако, достаточно просто избегать двух противоположных крайностей – крайнего платонизма и крайнего номинализма».²⁰ Рецепт, как вы понимаете, достаточно неопределенный.

Такой же неопределенностью страдает и общий итог, который подводят авторы: «Таким образом, художественное произведение предстает как обладающий особой онтологической природой объект познания *sui generis*. Оно не является по своей природе ни чем-то существующим в самой реальной жизни (физическим, наподобие монумента), ни чем-то существующим в душевной жизни (психологическим, наподобие тех реакций, что вызываются светом или болью), ни чем-то существующим идеально (наподобие треугольника). Оно представляет собой систему норм, в которых запечатлены идеальные понятия intersubъективного характера. Эти понятия, очевидно, существуют в совокупности общественных идей и изменяются вместе с изменениями данной совокупности; они открываются нам только через индивидуальный душевный опыт и опираются на звуковую структуру тех лингвистических единиц, из которых состоит текст произведения».²¹ Остается только ответить на вопрос о том, как же

¹⁹ Уэллек Р. Уоррен О. Теория литературы. М. 1978. С. 164.

²⁰ Там же. С. 167.

²¹ Там же. С. 170.

существуют эти общественные идеи «интерсубъективного характера». Но это как раз тот вопрос, на который пытался ответить К. Поппер.

4. Физика и гуманитарные науки

Попробуем теперь наметить выход из сложившейся ситуации на пути методологических сопоставлений. Как мы уже отмечали в самом начале статьи, гуманитарные науки больше всего похожи на современную физику. Покажем хотя бы на нескольких примерах, что здесь действительно просматривается достаточно глубокий категориальный изоморфизм.

А. Эйнштейн, излагая общую теорию относительности, писал: «Поле тяготения обладает одним в высшей степени замечательным свойством, имеющим фундаментальное значение для дальнейшего. Тела, которые движутся исключительно под действием поля тяжести, испытывают ускорение, не зависящее ни от материала, ни от физического состояния тела».²² И действительно, странно. Мы привыкли, что свойства окружающих нас вещей зависят от того, из чего они сделаны, и если, например, сахар сладкий, а соль соленая, то это объясняется разным химическим составом. И вот оказывается, что характер материала никак не влияет на ускорение тела в поле тяжести. Разве это не та же самая ситуация кризиса предметоцентризма, с которой мы сталкиваемся в гуманитарных науках? Возьмем, к примеру, ректора какого-либо университета или президента США. Очевидно, что каждый из них обладает определенными характеристиками, которые нельзя объяснить ни анатомическими, ни физиологическими их особенностями. Эти характеристики остаются инвариантными при замене одного ректора или президента другим. Или другой пример: словосочетание «Вальтер Скотт» может быть записано на бумаге, произнесено вслух, высечено на камне..., но это не меняет его содержания.

Интересно, что объяснение явлений такого типа и физика и социальные науки ищут сходным путем. Общая теория относительности объясняет гравитацию

²² Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т.1. М., 1965. С. 562

кривизной пространства-времени. Социолог скажет, что ректор или президент – это люди, занимающие определенные места в социальном «пространстве», и именно социальное «пространство» определяет их характеристики. Тут важно следующее. При изучении того или иного объекта у нас два возможных пути движения: объяснение особенностей объекта мы ищем либо в его материале, исследуя его состав и строение, либо в особенностях той целостности, того универсума, в рамках которого данный объект существует. И физика в лице общей теории относительности и гуманитарные науки избрали в настоящее время второй путь.

Приведем по этому поводу замечательные рассуждения Ю.М. Лотмана из его статьи «О семиосфере». «Современная семиотика, – пишет Лотман, – переживает процесс пересмотра некоторых основных понятий».²³ В чем же суть этого пересмотра? У истоков семиотики лежат две научные традиции, одна из которых восходит к Пирсу и Моррису, а другая основывается на тезисах Соссюра и Пражской школы. Однако при всем отличии этих подходов в них есть одна существенная общность: за основу берется простейший, атомарный элемент, представленный в первом случае отдельным изолированным знаком, а во втором – отдельным актом коммуникации. И именно этот «атомизм» или элементаризм в настоящее время нуждается в пересмотре. Элементаризм в семиотике изжил себя.

«Такой подход, – пишет Лотман, – отвечал известному правилу научного мышления: восходить от простого к сложному – и на первом этапе безусловно себя оправдал. Однако в нем таится и опасность: эвристическая целесообразность (удобство анализа) начинает восприниматься как онтологическое свойство объекта, которому приписывается структура, восходящая от простых и четко очерченных атомарных элементов к постепенному их усложнению. Сложный объект сводится к сумме простых.

Пройденный за последние двадцать пять лет путь семиотических исследований позволяет на многое взглянуть иначе. Как можно теперь предположить, четкие

²³ Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллинн. 1992. С. 11.

и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе, в изолированном виде. Вычленение их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не работоспособна. Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Такой континуум мы, по аналогии с введенным В. И. Вернадским понятием «биосфера», называем семиосферой».²⁴

Лотман, как мы видим, ссылается на Вернадского, но с таким же успехом он мог бы сослаться и на Эйнштейна. Разумеется, в обоих случаях речь может идти только о метафорах, ибо только метафорически можно говорить о социальном пространстве или сопоставлять семиосферу и биосферу. Правда, эти метафоры имеют никак не меньшее право на существование, чем рассмотренные выше метафоры типа экологии преступности или атома электричества.

Существуют две программы развития физики. Ч. Мизнер и Дж. Уилер в свое время сформулировали их следующим образом: «Имеются две прямо противоположные точки зрения на сущность физики: 1) Пространственно-временной континуум служит лишь ареной проявления полей и частиц. Эти последние сущности чужды геометрии. Их следует добавить к геометрии для того, чтобы вообще можно было говорить о какой-либо физике. 2) В мире нет ничего, кроме пустого искривленного пространства. Материя, заряд, электромагнетизм и другие поля являются лишь проявлением искривления пространства. Физика есть геометрия».²⁵ Казалось бы, какое до этого дело представителям гуманитарной науки?! Но в свете приведенных примеров можно только повторить: не спрашивай, по ком звонит колокол, ибо он звонит по тебе.

Но что такое место в социальном «пространстве», чем именно оно определяется? Попробуем ответить на этот вопрос. Относительная независимость социальных явлений от материала наталкивает на сопоставления и

²⁴ Там же. С. 11-12.

²⁵ Уилер Дж. Гравитация, нейтрино и вселенная. М. 1962. С. 218.

несколько иного рода. Дело в том, что социальные явления по этому параметру очень напоминают волну. Одиночная волна на поверхности водоема захватывает все новые и новые частицы воды, все время обновляясь, но оставаясь той же самой волной. Нечто аналогичное характеризует, например, и МГУ: здесь могут меняться здания, студенты, преподаватели, а университет остается университетом. Относительное безразличие к материалу, как уже отмечалось, характеризует и любой знак, например, любое слово языка. "Когда мы слышим на публичной лекции,— пишет Ф. де Соссюр,— неоднократно повторяемое обращение Messieurs! "господа!", мы ощущаем, что каждый раз это то же самое выражение. Между тем вариации в произнесении и интонации его в разных оборотах речи представляют весьма существенные различия, столь же существенные, как и те, которые в других случаях служат для различения отдельных слов..."²⁶ И здесь напрашивается аналогия с волной.

Будем такие волноподобные явления называть куматоидами (от греческого kuma - волна). Вообще говоря, это довольно широкий класс явлений, к числу которых можно отнести и некоторые объекты естествознания, например, живой организм. Гейзенберг приписывает Н. Бору следующие слова: «Но организмы – не статические образования. Древнее сравнение живого существа с пламенем говорит о том, что живые организмы, подобно пламени, представляют собой такую форму, через которую материя в известном смысле проходит как поток. Явно невозможно, скажем, какими-нибудь измерениями определить, какие именно атомы принадлежат живому существу, а какие нет».²⁷ Нечто похожее писал наш известный биолог В.Н. Беклемишев: «Живой организм, не обладает постоянством материала – форма его подобна форме пламени, образованного потоком быстро несущихся раскаленных частиц; частицы сменяются, форма остается».²⁸ Естественно возникает вопрос: а можно ли такого рода образования

²⁶ Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 140.

²⁷ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М. 1989. С.233.

²⁸ ?????????? ??. ?? ????? ?????????? ?????????? ??????. ?????????????????? ?????? ?????????????? ???????????????. ?, 1970. ?. 7.

рассматривать как системы, работают ли здесь системные представления, столь модные еще совсем недавно в нашей литературе? Что следует понимать под составом, строением, структурой куматоида? У нас, к сожалению, нет возможности рассматривать здесь весь этот комплекс методологических проблем, но хочется хотя бы обратить на них внимание.

Нетрудно видеть, что любой социальный куматоид – это некоторая «программа», в рамках которой люди осуществляют свое поведение. Простейший и базовый способ существования таких «программ» – это социальная эстафета, т.е. воспроизведение тех или иных форм поведения по непосредственным «живым» образцам, воспроизведение их путем подражания. Ребенок, например, осваивая язык, не пользуется при этом ни словарями, ни грамматиками, как это может делать взрослый человек, но опирается исключительно на образцы конкретной речевой деятельности, которые ему постоянно демонстрируют все, кто его окружает. Такая эстафета – это простейший, элементарный социальный куматоид, здесь все меняется: люди, которые осуществляют определенные действия, объекты, с которыми они действуют... Правда, как будет показано ниже, эстафета не существует отдельно вне универсума других эстафет, т.е. и здесь имеет место некоторый аналог семиосферы Лотмана. Надо отметить, что идея подражания и связанное с этим восприятие социальных явлений как волн восходит к французскому социологу Габриелю Тарду, который выделял в развитии культуры «изобретения» и «подражания», объясняя при этом изобретения взаимодействием «волн подражания».²⁹

Теперь мы можем ответить на поставленный выше вопрос. Место в социальном «пространстве» – это куматоид, это конкретная социальная программа, существующая в конечном итоге в виде некоторой совокупности социальных эстафет. Мы говорим «в конечном итоге», ибо письменный или устный текст, с помощью которого мы можем зафиксировать эту программу, сам в свою очередь предполагает наличие эстафет речевой деятельности. Между местом в

²⁹ Тард Г. Законы подражания. Спб. 1892.

пространстве социальном и в пространстве физическом есть достаточно глубокая аналогия. Место в физическом пространстве – это тоже куматоид: одно и то же место могут занимать разные предметы, сменяя друг друга, но сохраняя в качестве инварианта координаты этого места, т.е. некоторую программу его определения в рамках заданной системы отсчета.

Выражение «Социальные явления – это куматоиды» по своему методологическому статусу аналогично выражению типа «Свет – это электромагнитная волна». В обоих случаях решается вопрос о способе бытия изучаемых объектов, вопрос, как мы видели, достаточно запутанный в гуманитарных науках. В свете сказанного мы можем подтвердить точку зрения Р. Уэллека и О. Уоррена: да, все семиотические объекты, включая произведения литературы, как художественной, так и научной, – это «совокупность некоторых норм, связанных отношением структуры». Мы, однако, ответили и на вопрос о способе бытия этих норм. Способ их бытия – это социальные эстафеты. Человек всегда действует по имеющимся у него образцам, являясь актуальным или потенциальным участником огромного количества эстафет. И именно это определяет постоянное воспроизводство социального целого, воспроизводство языка и речи, форм социального поведения и практической деятельности. И это вовсе не какой-то особый «третий мир». Мир социальных эстафет – это мир физический, физический, разумеется, не в специально научном смысле слова, а по своему онтологическому статусу. Нас поэтому ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что мы проповедуем какой-либо естественнонаучный редукционизм применительно к изучению социальных явлений. Отнюдь нет. Более того, концепция социальных эстафет кладет жесткий предел каким-либо редукционистским поползновениям в этой области. Сколько бы мы ни изучали физические или химические свойства воды, это не приведет к пониманию конкретной волновой картины на поверхности океана в данный момент. Но в такой же степени физическое или биологическое изучение человека никогда не объяснит нам состояния социальных «волн», именуемого Культурой.

Но вернемся теперь к конкретному примеру, частично уже разобранным выше, к так называемому треугольнику Фреге. Его парадоксальность не случайна, ибо, если знак – это куматоид, то его строение надо искать не в мире отношений вещей типа имени и денотата, а в мире социальных эстафет. Куматоид, как уже отмечалось – это некоторая социальная программа, которая имеет свое содержание и строение. Описание знака по схеме Фреге – это описание содержания программы, ибо фактически речь идет о том, что с помощью конкретного имени мы обозначаем (можем или должны обозначать) некоторый предмет, имея на то определенные основания. Но как устроена эта программа, как она существует? Этот вопрос традиционно ускользает из сферы внимания. А между тем именно здесь и надо искать то, что мы назвали «устройством зеркала». Важно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не об одной эстафете. Представьте себе, что в вашем присутствии какого-то незнакомого вам человека назвали по имени. Достаточно ли вам этого, чтобы в дальнейшем правильно воспроизводить полученный образец? Как вы поняли, что произнесенное слово – это именно имя? Вам, вероятно, известны образцы имен, употребляемых в русском языке. А потом, что это значит «образцы имен»? Именем то или иное слово или группу слов делает способ их употребления. А это значит, что вы уже должны быть участником эстафет именованья. Только в контексте этих эстафет вы способны правильно воспроизводить вновь полученный образец. Короче, речь идет о некоторой эстафетной или нормативной структуре, о некоторой, как пишут Р. Уэллек и О. Уоррен «стратифицированной системе норм».

5. Явление дополнительности

Аналогию с волной и волновой механикой нетрудно продолжить, если вспомнить неоднократные попытки Н. Бора обобщить квантовомеханический принцип дополнительности на гуманитарные науки. Вот, в частности, что он писал в 1929 году: «Строго говоря, глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга».³⁰ Проходит

³⁰ Бор Н. Избранные научные труды. Т. II. М., 1971. С. 58.

почти два десятка лет, и в 1948 г. Бор повторяет ту же мысль: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения».³¹ Что имеется в виду? Сам Бор явно скупится на разъяснения, но нам представляется, что интуиция его не обманывает и приведенные высказывания заслуживают детального анализа. Обратите внимание, Бор фактически утверждает, что в ходе практического использования слова, мы не можем его точно определить, а дав точное определение, теряем возможность практического использования. Ну разве это не парадокс?!

Как это следует понимать? Практическое использование слов или понятий реализуется путем воспроизведения непосредственных образцов словоупотребления, т.е. на уровне социальных эстафет. Поэтому и причины отмеченной Бором дополнительности следует искать в эстафетном механизме передачи опыта. Суть в том, что образцы сами по себе не задают никакого четкого множества возможных реализаций, т.к., строго говоря, все на все похоже. Именно поэтому, как уже отмечалось, социальные эстафеты не существуют изолированно, но только в контексте множества других эстафет. Но и этого мало: реализация образцов всегда достаточно ситуативна и зависит не только от эстафетного окружения, но и от конкретной предметной ситуации в рамках которой нам приходится действовать. Как гласит пословица, на безрыбье и рак рыба. И поэтому словом «стол», например, мы можем назвать даже болотную кочку, если во время похода расстелили на ней клеенку и положили еду или карту местности. Иными словами, в реальной практике словоупотребления слово или понятие просто не имеет четко определенного содержания.

Попробуем теперь перейти от практического употребления к точному описанию. Это, вероятно, можно сделать двумя различными способами: мы можем либо искусственно закрепить одну из возможных интерпретаций образцов словоупотребления применительно к некоторой конкретной ситуации, либо, наоборот, включить в содержание описываемого понятия

³¹ Там же. С. 398.

некоторые признаки, придав им статус абсолютности, т.е. безотносительности к той или иной ситуации. В обоих случаях, однако, это приводит к построению нового понятия, которое к тому же неизбежно оказывается практически нигде неприменимым. Действительно, попробуем точно описать содержание понятия «стол». Реализуя первый из указанных способов, мы получим детальное описание одной ситуации словоупотребления, которая, строго говоря, нигде и никогда не может быть воспроизведена во всей своей конкретности. Но пойдём вторым путем. Допустим, мы пишем: «Стол имеет горизонтальную поверхность». Строго горизонтальную или нет? Можно сказать: «Все зависит от обстоятельств». Но такой ответ означает, что мы просто отказались дать точное описание стола. Можно, однако, дать и такую формулировку, которая заведомо удовлетворит нас при всех обстоятельствах: «Стол имеет идеально горизонтальную поверхность». Исключено, чтобы кто-либо в той или иной ситуации забраковал стол на том основании, что он слишком горизонтален. Вот мы и решили задачу точного описания, беда только в том, что мы теперь не можем продемонстрировать ни одного реального образца номинации «это – стол», ибо описанных столов просто не существует. Иными словами, имея образцы и действуя соответствующим образом, мы не можем точно зафиксировать правило нашего действия, т.е. содержание образцов, ибо оно объективно не определено. А при попытке предусмотреть все возможные вариации и сформулировать общее правило действия, мы не можем предъявить образец реализации этого правила, ибо оно в принципе нереализуемо.

Можно сформулировать принцип дополнительности для гуманитарных наук и несколько иначе. Имея дело с социальными эстафетами, мы можем описывать либо сам эстафетный механизм трансляции опыта, либо содержание образцов. В первом случае речь идет о механизмах социальной памяти, во втором, – о том, что в ней записано. Не трудно видеть, что противопоставляя практическое употребление слова или понятия его точному описанию, мы противопоставляем именно механизм и содержание памяти. Получается так: либо мы фиксируем факт воспроизведения определенных

образцов поведения, не имея возможности сформулировать точное правило, либо, напротив, формулируем это правило, но тогда не можем указать соответствующих образцов. Последнее, кстати, можно понимать двояким образом. 1. Сформулированное правило нигде практически неприменимо, ибо предполагает сильную идеализацию. 2. Речь идет о том, что мы должны отказаться от указания тех образцов, в рамках которых указанное поведение фактически осуществлялось, т.к. сама формулировка правила предполагает наличие совсем других образцов, не тех, содержание которых мы якобы описывали. Иными словами, описание механизмов и содержания социальной памяти дополнительные.

Принцип дополнительности в таком понимании, несомненно, важен для всех гуманитарных наук, которые постоянно сталкиваются с задачей точной формулировки тех или иных норм. Это и проблема языковой нормы, и проблема этических или эстетических норм. Сказанное относится и к методологическому мышлению. Здесь тоже практика использования уже существующих концепций или научных дисциплин в качестве образцов дополнительна к попыткам точной формулировки каких-либо методологических принципов. Все это можно проиллюстрировать и на материале пословиц. Выше, в частности, мы уже отмечали, что пословицу нельзя заменить никаким общим принципом, хотя практически мы постоянно пытаемся это делать. На трудности семантического описания пословиц уже давно обратили внимание и специалисты в области паремиологии. «Пословичный текст, – пишет А.А. Крикманн, – оказывается неопределенным «потенциалом» не только по отношению к конкретным возможностям употребления, но и по отношению к своим возможным абстрактным семантическим описаниям: мы можем давать пословице несколько разных описаний, ни одно из которых не будет исчерпывающим и из числа которых трудно предпочесть одно другому».³²

Но иначе и быть не может. Говоря, что у каждой палки два конца, мы предлагаем использовать этот

³² Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы. // Паремиологический сборник. М. 1978. С. 86.

тривиальный факт в качестве образца при истолковании каких-то других, менее очевидных фактов нашего бытия. Мы предлагаем действовать по заданному образцу. Но образец, как уже отмечалось, сам по себе не задает никакого четкого множества возможных реализаций. Очевидно, что в любом явлении, в любой жизненной ситуации мы можем найти и противопоставить друг другу какие-то стороны как положительные или отрицательные и при этом различными способами в зависимости от конкретной ситуации. Иными словами, пословице изначально присуща некоторая неопределенность содержания, некоторая возможность творческой свободы. Все это исчезает, если мы пытаемся сформулировать четкий принцип. Мы при этом неизбежно либо сильно сужаем возможности пословицы, либо, наоборот, далеко выходим за границы ее реального употребления. Крикманн подчеркивает, что такие описания «в значительной мере отражают не свойства самого описываемого объекта, а особенности языка описания и сознания описывающего».³³ В качестве примера он приводит следующее толкование эстонской пословицы «пустой мешок не стоит»: «Объект, у которого, в зависимости от его сущности или по каким-нибудь внешним и случайным обстоятельствам, отсутствует (или не является реальной) возможность перейти в качественно более высокое или более негэнтропийное состояние, не достигнет этого и в действительности, пока существуют причины, отрицающие или минимизирующие эту возможность...; и если даже он по каким-либо внешним или случайным обстоятельствам попал в это состояние, то не может пребывать в нем после прекращения влияния этих случайных факторов».³⁴ Очевидно, что от пословицы здесь почти ничего не осталось. Все сказанное, как мы полагаем в равной степени относится и к методологическим принципам.

Нетрудно показать, что именно явление дополнительности порождает представления об идеальных или абстрактных объектах типа материальной точки или абсолютно твердого тела в механике. Как устроены эти абстрактные объекты, каков способ их

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 85.

бытия? Начнем с того, что любое общее утверждение потенциально предполагает идеализацию. Допустим, вы хотите объяснить своему знакомому, как пройти от метро к вашему дому, и говорите, что надо идти прямо через парк по центральной аллее. Вы искренне убеждены, что дали правильное указание, но на следующий день ваш знакомый сообщает вам, что не смог пройти, т.к. в парке ремонтируют трубы и поперек аллеи выкопана огромная канава. Вы извиняетесь, хотя, очевидно, вы не могли этого предусмотреть. Столь же очевидно, что ремонт труб – это далеко не единственное возможное препятствие. Во время дождя аллею могут перегородить большие лужи, ворота парка могут оказаться неожиданно закрытыми в силу каких-либо ситуативных причин, ночью в парке могут погаснуть фонари... Многое зависит и от вашего знакомого: мужчина это или женщина, в сапогах или в модных туфельках, какие препятствия готов ваш знакомый преодолевать ради счастья оказаться у вас в гостях... Что же вы имели в виду, когда давали свое указание? Имплицитно вы предполагали некоторую нормальную ситуацию, а точнее, предполагали, что указанная дорога всегда проходима. Иными словами, речь шла о некоторой идеальной или абстрактной дороге.

Как же устроен этот абстрактный объект? Нетрудно видеть, что речь идет об особой форме осознания условий истинности или применимости наших утверждений. Описание того, как пройти от метро к моему дому истинно и применимо, если выход из метро всегда открыт, если аллеи не перекопаны, если не было сильного дождя, если... Очевидно, что количество таких «если» потенциально бесконечно, а кроме того их невозможно точно сформулировать, ибо все зависит еще от наших целевых установок, от готовности идти на жертвы и т.п. Иными словами, описание истинно только в условиях, когда все «если» выполнены, чего реально никогда не бывает и быть не может. В силу этого ситуация истинности описания и воспринимается как идеальная. Так из чего же состоит наш абстрактный объект, какова его морфология? Прежде всего это некоторая программа, фиксирующая границы истинности или применимости наших знаний. Она, однако, может существовать в виде конкретных образцов практического применения той или

иной теории и в этих условиях вовсе не осознается в форме признания некоторого объекта с особым статусом бытия. Так, например, в курсе теоретической физики Ландау и Лифшица материальная точка определяется следующим образом: «Под этим названием понимают тело, размерами которого можно пренебречь при описании его движения. Разумеется, возможность такого пренебрежения зависит от конкретных условий той или иной задачи».³⁵ Обратите внимание, речь вовсе не идет о каком-то идеальном объекте. Материальная точка в рамках данного определения – это вполне реальное тело, к которому в некоторых условиях применима определенная программа его описания. Правда авторы нигде точно не формулируют, как и от каких именно условий это зависит, но предполагают, что любой специалист, например, инженер, применяющий механику, имеет в поле своего зрения достаточное количество образцов такого применения. Реальный объект, однако, становится идеальным, точнее, осознается как идеальный, когда мы пытаемся четко сформулировать программу применимости или истинности наших знаний и обнаруживаем, что в точной формулировке эта программа неприменима к реальным объектам. Иными словами, идеализация – это феномен рефлексии. Действуя по образцам, мы не можем точно определить границы применимости теории, а при попытке четко эти границы осознать приходим к правилу, которое нельзя практически использовать, имея дело с реальными объектами. Именно так и возникает стол с абсолютно горизонтальной поверхностью, идеальная дорога, которая всегда проходима или тело, которое имеет массу, но не имеет размеров. Все это – попытка зафиксировать в рефлексии содержание соответствующих образцов использования слов или знаний.

6. Альтернатива понимания и объяснения

Рассмотрим теперь традиционное для гуманитарных наук противопоставление понимания и объяснения. Есть ли что-либо аналогичное в мире наук естественных, скажем, в физике? Бросается в глаза, что объясняющий

³⁵ Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Механика, М., 1958. С. 9.

подход там, как правило, противопоставляется не пониманию, а феноменологическому описанию. Так, например, мы можем описывать поведение газа в сосуде, фиксируя такие его параметры как объем, давление, температура. Мы можем заметить, что объем и давление изменяются по определенному закону при изменении температуры, что газ охлаждается при падении давления и т.п. Все это – феноменологическое описание. Если же мы хотим объяснить замеченные закономерности, мы должны построить модель газа, сделав определенные предположения относительно того, как он устроен. Мы можем предположить, например, что газ – это множество беспорядочно движущихся молекул, из чего и исходит кинетическая теория газа или статистическая физика.

Вот как это противопоставление проводят сами физики. «Существуют два метода изучения состояний макроскопических систем – термодинамический и статистический. Термодинамический метод не опирается ни на какие модельные представления об атомно-молекулярной структуре вещества и является по своей сути методом феноменологическим. Это значит, что задачей термодинамического метода является установление связей между непосредственно наблюдаемыми... величинами, такими, как давление, объем, температура, концентрация раствора, напряженность электрического или магнитного поля, световой поток и т.д. Наоборот, никакие величины, связанные с атомно-молекулярной структурой вещества ... не входят в рассмотрение при термодинамическом подходе к решению задач. В противоположность этому, статистический метод изучения свойств макроскопических тел с самого начала основан на модельных атомно-молекулярных представлениях, и основную задачу статистической физики можно сформулировать следующим образом: зная законы поведения частиц, из которых построена система...установить законы поведения макроскопического количества вещества».³⁶

А можно ли провести подобное противопоставление феноменологического описания и объяснения в науках

³⁶ Румер Ю.Б. Рывкин М.Ш. Термодинамика, статистическая физика и кинетика, М. 1977, С. 11.

гуманитарных? Фактически мы уже показали, что можно. Допустим, мы наблюдаем поведение некоторого человека и фиксируем, что он ударами одного камня о другой производит острые осколки, которые затем использует в качестве скребков при обработке шкур. Что мы описали как не феноменологию некоторой деятельности? Если теперь мы захотим объяснить, почему этот человек действует так, а не иначе, то нам, вероятно, придется сказать, что он действует в рамках существующих социокультурных образцов, т.е. ввести представление о традициях или о социальных эстафетах. Аналогичным образом можно описать речевое поведение и зафиксировать, что некто в определенных ситуациях постоянно произносит имя «Вальтер Скотт». Это некоторая феноменологическая закономерность, которую кратко можно сформулировать, например, так: именем «Вальтер Скотт» обозначают шотландского писателя, написавшего роман «Айвенго». И опять-таки объяснение мы будем искать в мире лингвистических эстафетных структур. Итак, если мы имеем дело с социальными куматоидами, в основе которых лежит воспроизведение тех или иных форм поведения по образцам, то у нас существуют два альтернативных подхода к описанию такого рода образований: либо мы описываем содержание образцов, либо их связи, т.е. эстафетные или нормативные структуры. Первое – это подход феноменологический, второе – объясняющий.

Выше мы показали, что описание содержания образцов и описание эстафетных механизмов дополнительные в квантово-механическом смысле слова. Теперь, очевидно, мы должны признать то же самое и применительно к феноменологическому и объясняющему подходам в гуманитарных науках. Интересно, что аналогичная проблема обсуждалась и в физике. Так, например, В. Гейзенберг в книге «Часть и целое» приписывает Н. Бору следующие слова: «Я не могу усмотреть такой уж принципиальной разницы между положением дел в квантовой механике и в учении о теплоте. Ситуация наблюдения, в которой производится измерение температуры или снятие показаний термометра, находится во взаимоисключающем отношении с другой ситуацией, в которой могут быть

определены координаты и скорости всех входящих в рассмотрение частиц. ... Поэтому точное знание температуры несочетаемо с точным знанием местоположения и скоростей молекул».³⁷ Позднее аналогичные мысли о дополнительности между статистическими характеристиками (температура, плотность, давление ...) и микроскопическим описанием частиц, входящих в систему, высказывал очень талантливый, но рано умерший физик Н. С. Крылов.³⁸

А что же такое понимание, или понимающий подход, в гуманитарных науках? Если он противостоит объяснению, то нельзя ли найти нечто общее между ним и феноменологическим описанием? Нам представляется, что ответ должен быть утвердительным. Рассмотрим максимально простой пример. Допустим, что человек, стоя у дороги, поднял руку. Попробуем реализовать применительно к этому жесту понимающий подход. Это означает, что мы должны относиться к поднятию руки не просто как к некоторому физическому акту, а как к акту семиотическому, несущему определенную информацию. Следует при этом подчеркнуть, что нас интересует не психологический процесс понимания и не наши ментальные состояния, а вербальная фиксация значения наблюдаемого жеста. Именно вербальная фиксация, т.к. речь идет не просто о понимании, а о понимающем подходе в науке, о понимающем подходе при описании знака. Короче, мы должны не просто понимать, но и описать наше понимание, точнее, его содержание. Будем предполагать, что все окружающие являются участниками некоторых эстафет, в рамках которых с помощью поднятия руки принято останавливать такси. В этом случае, вероятно, в ответ на вопрос о значении указанного жеста, мы получим примерно такой ответ: руку поднимают, если хотят остановить такси. Но что нам при этом описали? Вопрос может вызвать недоумение: мы же уже отмечали, что речь идет о содержании соответствующего понимания. Так-то так, но разве не бросается в глаза, что зафиксировав это содержание, нам фактически описали феноменологию некоторой деятельности? При этом, конечно же, речь идет не о

³⁷ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М. 1989. С. 229.

³⁸ Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии № 1. 1990. С. 17.

деятельности того человека, который так и продолжает стоять на краю тротуара. Его жест пока никак с такси не связан и поэтому сам по себе не дает никаких оснований для его понимания. Описали нам фактически вовсе не то, что мы в данный момент видим, а нечто другое. В свете концепции эстафет логично допустить, что описание относится не к настоящему, а к прошлому, к тем образцам, в соответствии с которыми, как предполагается, действует данный человек. Понимание, следовательно, если речь идет о вербализованном понимании, – это описание содержания тех образцов, в соответствии с которыми предположительно осуществляются понимаемые действия.

Не нужно, вероятно, специально доказывать, что все сказанное целиком относится и к теории собственных имен Готлоба Фреге. Предложенная им схема описания знака – это реализация понимающего или, что то же самое, феноменологического подхода. Действительно, утверждается, что имя, например. «Вальтер Скотт» обозначает или называет свой денотат, т. е. известного шотландского писателя. Но имя само по себе ничего не называет и не обозначает, называем и обозначаем мы сами. Поэтому точнее надо, вероятно, сказать не «обозначает», а «обозначают» или «называют», и тогда будет ясно, что речь идет об описании некоторых образцов использования имени, которые мы и воспроизводим практически в своей речевой деятельности. В принципе это ничем не отличается от предыдущего примера. Чтобы понять все это, достаточно вдуматься в содержание полученных описаний: «Руку поднимают, если хотят остановить такси», «Именем "Вальтер Скотт" называют шотландского писателя». В обоих случаях, давая характеристику знака, мы описываем чью-то деятельность с соответствующим этому знаку «именем». Нетрудно видеть, что мы здесь очень близки к позиции позднего Витгенштейна, который неоднократно повторял, что значение слова – это его употребление в языке.

Рассмотрим более сложный пример. Какой подход реализует В.Я. Пропп в своей книге «Морфология сказки»? Для ответа на этот вопрос важно учесть, что у Проппа есть еще одна работа «Исторические корни

волшебной сказки», где он показывает, что так называемая волшебная сказка по своему происхождению – это тот рассказ, который в первобытном обществе сопровождал обряд инициации. Сам обряд умер, а рассказ продолжал транслироваться от поколения к поколению, видоизменяясь и приобретая новые функции, но сохраняя основные композиционные особенности. Иными словами, перед нами некоторый куматоид, некоторая социальная «волна», которая докатилась от первобытных времен до наших дней. Что же описал Пропп в своей работе «Морфология сказки»? Говоря о морфологии, он фактически вербализовал содержание тех образцов, в соответствии с которыми воспроизводилась сказка. Сам Пропп, кстати, утверждал, что исходя из предложенной им схемы, «можно самому сочинять бесконечное количество сказок, которые все будут строиться по тем же законам, что и народная».³⁹ Короче, перед нами понимающий или феноменологический подход.

Вспомним теперь, что именно альтернатива понимания и объяснения, начиная с Дильтея, лежит в основе противопоставления наук естественных и гуманитарных. Именно в особом понимающем подходе усматривают чаще всего специфику гуманитарного познания. Мы же утверждаем, что и в этом решающем пункте имеет место принципиальный методологический изоморфизм, позволяющий, кстати, объяснить те трудности и парадоксы гуманитарного исследования, о которых уже шла речь выше.

Вернемся к работам В.Я. Проппа. Фактически он сам признал уже в конце своей жизни, что выявить подлинную морфологию сказки ему не удалось. «Я должен признать, – пишет он, – что термин «морфология», которым я когда-то так дорожил и который я заимствовал у Гете, вкладывая в него не только научный, но и какой-то философский и даже поэтический смысл, выбран был не совсем удачно. Если быть совершенно точным, то надо было говорить не «морфология», а взять понятие гораздо более узкое и сказать «композиция», и так и назвать «Композиция фольклорной волшебной сказки».⁴⁰ Но это

³⁹ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М. 1976. С. 145.

⁴⁰ Там же. С. 141.

же трагедия! Трагедия мысли! Поставить, опираясь на образец морфологии растений, принципиально новую и глобальную проблему, вкладывать в это глубокий философский смысл и вдруг признать, что все свелось к парадигмальной задаче анализа композиции!

Почему же Проппу не удалось осуществить его первоначальный замысел? Да потому, что анализ строения, морфологии, структуры всегда был связан с объясняющим, а не с феноменологическим подходом. Мы уже видели, что вопрос о том, как устроен газ, возникает тогда, когда мы хотим объяснить его поведение. В такой же степени различные гипотезы о строении кристаллов возникали при решении задачи объяснить их внешние характеристики, например, правильную геометрическую форму. Ставить вопрос о строении или о морфологии в рамках феноменологического описания – это своеобразный методологический нонсенс. Но именно это, к сожалению, мы, как уже было показано, постоянно наблюдаем в гуманитарных науках. Думаю, это не случайно, ибо для правильного понимания задачи еще недостаточно преодолеть понимающий или феноменологический подход. Необходимо еще отказаться от предметоцентризма и освоиться в очень непривычной ситуации, когда объяснение феноменологии поведения объекта надо искать не в нем самом, не в его материале, а в рамках некоторой объемлющей целостности. С этим, как уже отмечалось, мы сталкиваемся и в физике, например, в общей теории относительности и в гуманитарных науках.

* * *

Подведем некоторый итог. На первый взгляд, гуманитарные науки представляют собой очень специфическую и замкнутую область. Они изучают духовный мир человека, мир культурных феноменов, где заведомо неприменимы конкретные представления и методы физики, химии или биологии, где превалирует так называемый понимающий подход, с которым, в свою очередь, не сталкивается естествознание. Основная мысль статьи состоит в том, что, несмотря на это кажущееся своеобразие, между науками естественными и гуманитарными существует глубокий методологический

изоморфизм, открывающий двери для обмена опытом. Анализ изоморфизмов всегда был мощным методом в развитии науки. И в данном случае он позволяет включить гуманитарные дисциплины в общий контекст человеческого познания и по-новому осознать многие трудности и парадоксы, связанные с анализом семиотических образований. Естественные и гуманитарные науки существенно сближают такие явления, как кризис предметоцентризма, волновая революция, принцип дополнительности, альтернатива феноменологического и объясняющего подходов... И даже злополучное «понимание» вдруг утрачивает свою специфическую загадочность.